

Ostrauskas T. Kabeliu 2-oji akmens amžiaus gyvenvietė // Lietuvos archeologija, 1999. 16. 31–66.

Tanged Points Cultures in Europe. Read at the International Archaeological Symposium Lublin, September, 13–16, 1993 / Ed. S.K. Kozłowski, J. Gurba, L. Zaliznyan. Lublin: Maria Curie-Skłodowska University Press, 1999. 364 p.

Taute W. Die Stielspitzen-Gruppen in Nordlichen Mitteleuropa. Ein Beitrag zur Kenntnis der späten Altsteinzeit. Fundamenta, Reihe A, Band 5. Köln: Graz, 1968. 512 p.

Институт археологии РАН,
Москва

А.Н. Сорокин

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ / Отв. ред. Е.П. Михайлов, Н.С. Березина. Т. 1–3. Чебоксары: Чуваш. кн. из-во, 2013–2015. ISBN 978-5-7670-2295-3

К многотомной серии “Археологическая карта России”, которую издает с 1991 г. Институт археологии РАН, добавилось еще одно издание, посвященное археологии отдельных российских регионов. Это трехтомник “Археологическая карта Чувашской Республики” (далее АКЧР). Он представляет собой первое в этой республике научно-справочное издание энциклопедического характера и содержит наиболее полную на сегодняшний день информацию о памятниках археологии Чувашской Республики.

Авторы-составители АКЧР (в порядке их представления на титульном листе) Е.П. Михайлов, Н.С. Березина, А.Ю. Березин, С.В. Кузьминых, Н.С. Мясников, В.Ф. Каховский, Б.В. Каховский сумели собрать и обобщить огромную информацию о значительном археологическом наследии республики. Материал для этого издания собирался более 30 лет Е.П. Михайловым и В.Ф. Каховским.

Первый том открывается предисловием, в котором охарактеризована структура издания, описаны основные принципы и подходы к описанию памятников археологии. Авторы справедливо отмечают, что “только комплексное изучение, перекрестная проверка возникающих в ходе исследования показаний разных источников дают возможность составить полную научную археологическую карту” (АКЧР. Т. 1. С. 3).

Здесь же в предисловии описаны этапы многолетнего и многотрудного процесса накопления данных о памятниках археологии Чувашии со второй половины XIX в. вплоть до наших дней.

Путь к нынешнему трехтомному изданию был труден и долог. Первая “Археологическая карта Чувашской АССР” была составлена К.В. Элле в 1947–1948 гг. на основании всех предыдущих работ как дореволюционного времени, так и работ 1920-х годов. К сожалению, книга так и не была опубликована. Рукописи археологических карт Чувашии были так-

же подготовлены П.Г. Григорьевым и Н.Р. Романовым в 1940–1950-х годах. Эти рукописные материалы были, наконец, опубликованы как приложение к книге В.Ф. Каховского “Памятники материальной культуры Чувашской АССР” (1957). Но это была сравнительно незначительная часть всех накопленных материалов. Работа над полным собранием археологических памятников региона продолжалась, но была прервана в связи с кончиной В.Ф. Каховского. После значительного перерыва работа над АКЧР была продолжена, успешно завершена и посвящена светлой памяти этого исследователя.

Введение открывается обширным географическим обзором территории Чувашской Республики. Здесь приведены сведения о ландшафте, водном бассейне, климате, геологической структуре, почвенном покрове, растительности, физико-географическом районировании региона (Заволжье, Приволжье, Центр, Присурье, Юго-Восток, Засурье).

Далее следует достаточно информативный историко-географический очерк об археологических исследованиях в Чувашии. Отдавая должное дореволюционным исследованиям энтузиастов-одиночек (С.Е. Мельников, С.М. Михайлов, В.К. Магницкий), авторы тем не менее отмечают определенную разрозненность и бессистемность этих изысканий. Этот период развития археологии в Чувашии связан с губернскими городами Казанью и Симбирском. Отдельные сведения о памятниках археологии Чувашии публиковались именно там, некоторые находки передавались в музеи Казани и других городов России. К открытию 4-го Всероссийского археологического съезда в Казани в 1877 г. вышел первый сводный труд по археологии Среднего Поволжья (Шпилевский, 1877). Ряд статей по археологии Чувашии выходит в Известиях ОАИЭ при Казанском университете. Симбирская ГУАК под председательством В.Н. Поливанова составила “Археологическую карту Симбирской губернии”, куда вошли некоторые и чувашские территории.

Первые целенаправленные научные исследования памятников в Чувашии начинаются только с 1920-х годов и связаны с деятельностью таких ученых, как В.Ф. Смолин, П.Н. Третьяков, О.Н. Бадер, А.Я. Брюсов, О.А. Кривцова-Гракова. Благодаря раскопкам В.Ф. Смолина 1925 г. на Абашевском курганном могильнике выделена новая археологическая культура эпохи бронзы, названная абашевской. Масштабные для своего времени разведочные и раскопные работы Средневожской экспедиции ГАИМК под руководством П.П. Ефименко позволили наметить концепцию смены культур в Чувашии.

В 1930-е годы О.Н. Бадер при участии чебоксарских историков и музейных работников (К.В. Элле, И.Т. Тихонов, П.Г. Григорьев и др.) исследует Балановский грунтовый могильник эпохи бронзы. Работы А.Я. Брюсова и Г.А. Бонч-Осмоловского привели к открытию Уразлинской верхнепалеолитической стоянки.

В 1940-е послевоенные годы были продолжены исследования Абашевского могильника (О.А. Кривцова-Гракова, М.С. Акимова). Экспедиция под руководством А.П. Смирнова раскопками Большетаябинского городища и могильника положила начало планомерному исследованию болгарских древностей в Чувашии. В этот же период в работах А.П. Смирнова и П.Н. Третьякова впервые рассматривается вопрос о происхождении чувашского народа.

Планомерное и систематическое изучение территории Чувашской АССР от древности до средневековья начинается после создания в 1956 г. Чувашской археологической экспедиции (ЧАЭ) под руководством А.П. Смирнова с отдельными отрядами Г.А. Федорова-Давыдова, Н.В. Трубниковой, Н.Я. Мерперта, В.Ф. Каховского, О.Н. Бадера. Эти работы продолжались и в 1960-е годы. Тогда же вышли в свет и первые обобщающие работы (Абашевская культура, 1961; Смирнов, 1961; Бадер, 1963; Каховский, 1965).

В связи со строительством Чебоксарской ГЭС в зоне затопления в 1969–1973 гг. развернула масштабные работы Чебоксарская новостроечная археологическая экспедиция ИА АН СССР под руководством Ю.А. Краснова. С 1973 г. воз ЧАЭ обновила работы под руководством В.Ф. Каховского. Исследовались главным образом средневековые памятники.

Масштабные разведочные работы были проведены в 1980–1990-е годы отрядом ЧНИИЯЛИЭ под руководством Е.П. Михайлова. В 2001 г. в Чувашском государственном институте гуманитарных наук был создан отдел археологии. В 2003–2010 гг. исследуется исторический культурный слой г. Чебоксары. В эти же годы под руководством Н.С. Березиной ведется целенаправленное изучение памятников каменного века. В 2006–2012 гг. работает совместная археологическая экспедиция ученых разных регионов.

И это далеко не полный обзор деятельности археологов в Чувашии. Во Введении к первому тому

он гораздо подробнее и дает полное представление о становлении и развитии чувашской археологии, что позволяет воссоздать древнюю историю Чувашии.

Далее во Введении следует очерк развития археологических культур с эпохи верхнего палеолита до Нового времени. Археологические объекты, соотносимые с определенными эпохами и культурами, подвергались целенаправленному и планомерному исследованию, что позволило объективно рассмотреть этнокультурный состав населения региона и уровень его материального развития в различные хронологические периоды.

Как уже говорилось выше, самые древние памятники каменного века на территории Чувашии относятся к эпохе верхнего палеолита. Это Уразлинская стоянка, раскопанная в 1936 г. Г.А. Бонч-Осмоловским и А.Я. Брюсовым. На основании предварительного изучения геологических условий стоянка отнесена ее исследователями к середине верхнего палеолита, т.е. 30–40 тыс. лет назад (Брюсов, 1940). В 2005 г. открыта позднепалеолитическая стоянка-мастерская Шолма I, раскопанная Н.С. Березиной. По мнению исследователей, близкие аналогии в каменной индустрии стоянки обнаруживаются в памятниках Среднего Дона.

Мезолит на территории Чувашии представлен более чем 20 стоянками и местонахождениями в нижнем течении р. Алатырь и Чебоксарском Поволжье. Среди мезолитических памятников изучены относительно долговременные стоянки с мощным культурным слоем: Мукшумские X, XVIII и XXII. Исследователями отмечается культурное своеобразие большей части изученных памятников мезолита на территории республики, выделенных в недавнее время в русско-луговскую археологическую культуру.

Неолит Чувашии датируется авторами издания VI–IV тыс. до н.э. В республике открыто более 40 памятников. Они расположены по берегам Волги, Суры, Цивили и их притоков. Стационарными раскопками изучены стоянки Стемасы I, Утюж I и V, Вьюново озеро I и II, Молебное озеро I–III, Черненькое озеро I–III и Новодеревенская I. Территория Чувашии входила в зону расселения людей, относящихся к различным археологическим культурам: елшанской, льяловской, балахнинской, камской.

В начале IV тыс. до н.э. с юго-востока на территорию Чувашии проникают племена энеолитической хвалынской культуры, оставившие поселенческие памятники в Присурье. В III тыс. до н.э. на территории Чувашии распространен средневожский вариант волосовской культуры, известно более 20 археологических памятников, часть из которых исследована. Раскопками в Алатырском Посурье изучен уникальный жертвенный комплекс волосовской культуры – Утюжский Бугор – со следами культа медведя.

Бронзовый век на территории Чувашии датирован в рассматриваемом издании второй половиной III—II тыс. до н.э. Археологические памятники данной эпохи изучены достаточно хорошо. В период ранней бронзы, во второй половине III тыс. до н.э., на территорию Среднего Поволжья проникли первые земледельческо-скотоводческие племена балановской культуры, бывшие частью большой культурно-исторической общности боевых топоров и шаровидных амфор. Периодизация балановской культуры включает четыре этапа: балановский, атликасинский, ошпандинский и хуласючский.

“Балановцы” были первыми скотоводческо-земледельческими племенами на территории Чувашии, которые имели колесный транспорт и сыграли заметную роль в экономическом, социальном и культурном развитии региона, привнесли сюда производящие формы хозяйства. Демографический рост балановского населения привел к активным контактам с местным позднеэнеолитическим населением, что в результате привело к образованию на рубеже III—II тыс. до н.э. чирковской археологической культуры.

В конце III — начале II тыс. до н.э. представители абашевской культуры распространились на большой территории лесостепной зоны Восточной Европы — от левобережья Днепра до Урала. Исследователи выделяют отдельные культуры: средневожскую, уральскую (баланбашскую) и донскую (доно-вожскую), объединенные в рамках абашевской культурно-исторической общности. Средневожская абашевская культура в Чувашской Республике изучена в основном по курганным могильникам, довольно подробно описанным в каталожной части АКЧР. Позднее, во второй половине II тыс. до н.э., определенное влияние на этнокультурную ситуацию в регионе оказали кочевые племена срубной культурно-исторической общности.

В эпоху поздней бронзы на территории современной Чувашии жили племена приказанской и поздняяковской культур, которые оставили здесь археологические памятники, датируемые последней четвертью II тыс. до н.э. — началом I тыс. до н.э. По мнению авторов издания, приказанская археологическая культура бронзового века, распространенная в Волго-Камье, отнесена к XVI—IX вв. до н.э. Выделены ее хронологические этапы: займищенский (XVI—XV вв. до н.э.), балымско-карташихинский (XIV—XIII вв. до н.э.), атабаевский (XII—XI вв. до н.э.), маклашеевский (X—IX вв. до н.э.).

Ранний железный век на территории Чувашии представлен ананьинской культурно-исторической общностью и городецкой культурой. Некоторые памятники раннего железного века отнесены авторами к “позднегородецкой” культуре.

В отношении ананьинской культурно-исторической общности у авторского коллектива существует определенно четкая позиция, основанная на работах

С.В. Кузьминых, В.Н. Маркова, А.А. Чижевского. Данная общность представляется им как ряд независимых культур, существовавших в IX—V вв. до н.э. на территории Волго-Камья: постмаклашеевская, акинская в Среднем Поволжье, ананьинская культура шнуровой керамики на Нижней и Средней Каме и Нижней Белой и ананьинская культура гребенчато-шнуровой керамики в верховьях Камы, на Вятке и Ветлуге (Чижевский, 2008).

Городецкая культура на территории Чувашской Республики, распространенная в Сурско-Свияжском междуречье, а также в бассейне р. Алатырь, была датирована в целом VIII—VII — IV—V вв. н.э. (Смирнов, Трубникова, 1965). Авторы АКЧР отмечают ее характерные признаки: керамика с отпечатками ткани и рогожи, а также редкие находки металлических предметов и др. В целом же территория Чувашии рассматривается в рамках северо-восточного варианта культуры. В последнее время верхняя дата городецкой культуры удревнена до рубежа I—II вв. н.э., когда исчезает ее главный этноопределяющий признак — рогожная керамика (Вихляев, 2000; Матвеева, 2000). Наиболее вероятно, по мнению авторов рассматриваемого издания, что слои городищ Чувашского Поволжья, содержащие фрагменты посуды с отпечатками ткани и рогожи, связаны с культурой текстильной керамики (городецкой), а слои с гладкостенной керамикой имеют отношение к писеральско-андреевским памятникам, древнемордовской, именьковской и древнемарийской культурам. Хотя многие памятники данного периода в Чувашии изучены слабо, авторы оставляют за собой право употреблять термин “позднегородецкая культура” применительно к памятникам с лепной гладкостенной плоскодонной керамикой и оставляют термин “городецкая культура” для городищ и селищ с текстильной керамикой. Переходными типами от писеральско-андреевских к древнемордовским являются Таутовский и Сендимиркинский комплексы, датируемые II—III вв.

В Чувашии известны ранние мордовские памятники середины I тыс. н.э. (Иваньковский грунтовый могильник и городище Ножа Вар). На этом основании исследователи включают Северо-Западную Чувашию в область одного из локальных вариантов древнемордовской культуры III—VIII вв. (Вихляев, 2000). К ранним мордовским погребальным памятникам отнесены Яндашевский и Криушинский могильники (Воронина, 2007). Хотя, по мнению авторов издания, археологических свидетельств проживания мордовского населения на территории Чувашского края в IX—XIII вв. пока нет, памятники мордвы развитого и позднего средневековья фиксируются в Посурье: селища Утюж I и Утюжский бугор (XIV в.), Миренковский могильник (XVII—XIX вв.), а также в Юго-Восточной Чувашии: Тигашевский могильник (XIV—XV вв.) и южная часть Бахтигильдинского могильника (XVI—XVII вв.).

В IV–VII вв. на территории Чувашии появляется население именьковской культуры. Памятники этой культуры открыты в Алатырском Посурье: поселение Утюж I, селища Стемасы V, VII и Макеевское селище, городища Иваньковская стрелка, Шолм и др. Вполне вероятно обнаружение памятников именьковской культуры в юго-восточных районах Чувашии, в междуречье Кубни и Карлы как наиболее пригодных мест для проживания оседлых земледельцев и скотоводов.

По мнению авторов издания, вероятно, часть археологических памятников Чувашии оставлена древнемарийским населением. Близок к марийской средневековой культуре обнаруженный в 2012 г. Анаткасинский могильник X–XI вв. Ряд лингвистов считают северную часть Чувашии зоной распространения марийских племен вплоть до развитого средневековья (Федотов, 1990).

В эпоху средневековья в IX–XIV вв. в Среднем Поволжье и Прикамье существовала волжско-булгарская археологическая культура. На территории Чувашии исследованы Большетаябинское, Тигашевское городища и др. Раннебулгарские археологические памятники пока не выявлены. Булгары селились на черноземных побережьях Булы, Улемы, Кубни и Карлы. Это Тигашевские I и II городища с селищами, Большетаябинское селище, Староянашевское городище, Яльчикское, Байдеряковское, Новобайбатыревское, Арабузинское, Именевское, Новоахпердинское и ряд других селищ и местонахождений (Фахрутдинов, 1971).

Данные археологических раскопок свидетельствуют, что в конце XII – начале XIII в. на месте современных Чебоксар появилось булгарское поселение. Точка зрения авторского коллектива АКЧР, что после нашествия монголов сюда, возможно, переселилась часть жителей г. Сувар, археологически не подтверждается. Керамический материал в слоях XIII–XIV вв. Чебоксар не отражает преемственности с домонгольским керамическим комплексом Волжской Булгарии (Краснов, 1974).

Особое место в АКЧР отводится памятникам золотоордынского времени XIII–XIV вв. – поры, непосредственно предшествующей сложению чувашского этноса.

Данный раздел Введения содержит достаточно полную информацию об историко-культурном процессе на территории Чувашии. Однако здесь явно прослеживается разный подход каждого из авторов к манере подачи информации. В изложении материала по раннему периоду (от палеолита до эпохи бронзы) практически полностью отсутствует научно-справочный аппарат. Отдельные немногочисленные ссылки на использованную литературу носят не системный, а случайный характер. Зато в достаточно полном объеме они присутствуют в последующих разделах Введения, что свидетельствует о более серьезном научном подходе к изложению материала.

Значительным упущением авторов следует признать весьма усеченную информацию во Введении о памятниках позднего средневековья и Нового времени. Она ограничивается исключительно чувашскими памятниками, хотя общепризнанно, что территория Чувашской Республики была контактной зоной для чувашского, татарского, русского, марийского и мордовского народов.

Отсутствует во Введении также какая-либо характеристика периода со второй половины XVI в. – времени вхождения Чувашии в состав Русского государства, строительства и исторического развития русских городов-крепостей: Алатыря (1552 г.), Цивильска (1589 г.), Ядрина (1590 г.), Чебоксар (XVI в.). Во Введении сразу за чувашскими могильниками и святилищами средневековья и Нового времени следует заключительный абзац о мануфактурах и фабриках XVIII–XIX вв.

Основной раздел трехтомного издания АКЧР – Каталог археологических памятников: представлено 3228 (реально 3239). Один из важных моментов их представления – типовое название. Памятники в издании имеют следующую номенклатуру, что отражено в условных обозначениях. К уже устоявшимся понятиям (стоянка, поселение, селище, городище, курган, курганный и грунтовый могильники, местонахождение, клад, святилище) авторы прибавили еще и ряд других, не вполне оправданных. Так, например, *отдельные находки* вполне могут быть представлены как местонахождения. Не совсем удачное название (тип памятника) также *место старого завода*. Старого по отношению к чему? Не лучше ли было назвать подобные памятники производственными комплексами (или сооружениями).

Также неудачным следует признать термин *место старого поселения*. В эту категорию попадают практически ничем не подтвержденные, а порой и сомнительные сведения об исчезнувших деревнях или предположительно древних поселениях.

Хотя работа над “Археологической картой Чувашской Республики” продолжалась более 30 лет, но подготовка материала к изданию в рамках Федеральной целевой программы “Культура России” проходила в явной спешке. Это видно по нарушенной нумерации памятников – пропущен № 496, но введены дополнительные: 244а, 249а, 293а, 334а, 345а, 346а, 366а, 454а, 478а, 481а, 492а, 1037а. В результате реальное число памятников, как отмечено выше, не соответствует заявленному количеству.

В списке архивных источников для нескольких сотен отчетов, хранящихся в архиве Института археологии РАН, не указаны номера хранения. Нередки случаи отсутствия номеров листов, на которых описывается памятник. В 70% в описании памятников нет ссылок на архивы Института археологии РАН и Института истории материальной культуры РАН.

На большую часть памятников есть лишь ссылки на хранение в научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук.

Иллюстративный материал обширен, разнообразен, профессионально выполнен (к сожалению, полностью отсутствует во Введении). В основном разделе издания он представлен районными картами археологических памятников, таблицами вещевого материала и рисунками отдельных наиболее выразительных находок. Однако к картам можно предъявить вполне разумные претензии. Они сделаны не по правилам картографии, которые предписывают располагать памятники в определенной последовательности – нумеровать их с севера на юг и с запада на восток. Найти же нужный объект на представленных картах представляет определенную сложность.

И в заключение несколько слов о тех трудностях, с которыми придется столкнуться археологам, которые будут использовать материалы АКЧР в своей профессиональной деятельности. Отсутствие точной привязки памятников к современным населенным пунктам отчасти объяснимо желанием авторов минимизировать потери от деятельности “черных копателей”, хотя и создает трудности для дальнейшего нахождения и исследования памятников археологии. К тому же авторы, вероятно, использовали данные устаревшего справочника “Населенные пункты Чувашской АССР” 1981 г., что привело к значительным несоответствиям современному административно-территориальному делению. Так, известный комплекс памятников у с. Уржумка (№ 1172, 1266–1273) вполне определенно значится в Звениговском р-не Республики Марий Эл и не должен быть представлен в АКЧР. Однако все уржумские памятники описаны во втором томе и обозначены на карте Мариинско-Посадского р-на Чувашской Республики. Чему верить?

Отсутствие в издании систематического и хронологического указателей ничем не оправдано. Без них практически невозможно выделить для исследовательской работы из всего массива объектов типологические или хронологические группы памятников, например городища раннего железного века, курганы эпохи бронзы или же все неолитические памятники.

В заключение хочется еще раз отметить полезность и важность издания “Археологической карты Чувашской Республики” – наиболее полного свода памятников археологии этого региона Российской Федерации, что, несомненно, будет способствовать дальнейшему их изучению и послужит делу сохранения археологического наследия.

Институт археологии РАН,
Москва

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абашевская культура в Среднем Поволжье (МИА № 97). М.: Изд-во АН СССР, 1961.
- Археологическая карта Чувашской Республики. Т. 1. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2013.
- Бадер О. Н.* Балановский могильник: Из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы. М.: Наука, 1963.
- Брюсов А. Я.* Следы палеолитической стоянки у сел. Улянк (Чувашская АССР) // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. № 6–7. М.; Л., 1940.
- Вихляев В. И.* Происхождение древнемордовской культуры. Саранск, 2000.
- Воронина Р. Ф.* Нижнесурская мордва IV–VIII вв. (по материалам Ивановского могильника раскопок 2-го чувашского отряда Чебоксарской экспедиции 1968–1972 гг.) // Пензенский археологический сборник. Вып. 1. Пенза, 2007.
- Каховский В. Ф.* Памятники материальной культуры Чувашской АССР. Чебоксары, 1957.
- Каховский В. Ф.* Происхождение чувашского народа: основные этапы этнической истории. Чебоксары, 1965.
- Краснов Ю. А.* Проблема происхождения чувашского народа в свете археологических данных // Советская археология. 1974. № 3.
- Матвеева Г. И.* Памятники оседлых племен лесной зоны Самарского Поволжья // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: ранний железный век и средневековье. М.: Наука, 2000.
- Смирнов А. П.* Железный век Чувашского Поволжья. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
- Смирнов А. П., Трубникова Н. В.* Городецкая культура // САИ. Вып. Д-1–14. М.: Наука, 1965.
- Фахрутдинов Р. Г.* О степени заселенности булгарами территории современной Чувашской АССР // Археология и этнография Татарии. Вып. 1. ИЯЛИ КФАН СССР. Казань, 1971.
- Федотов М. Р.* Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. Саранск, 1990.
- Чижевский А. А.* Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веке (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области) // Археология евразийских степей. Вып. 5. Казань: Школа, 2008.
- Шпилевский С. М.* Древние города и другие болгарско-татарские памятники Казанской губернии. Казань, 1877.

А. А. Беговаткин, А. В. Кашкин